

С. БУДАНЦЕВ

Литературные письма

<«Про это» В. Маяковского>

ОТ РЕДАКЦИИ

Помещая настоящее письмо С. Буданцева, Редакция руководствовалась соображениями дать читателю сведения о новом журнале «Леф», причем с восторженными местами, часто повторяющимися в отзыве С. Буданцева, Редакция не согласна и обещает посвятить данному журналу специальную статью.

1

Выход журнала «Леф» («Журнал левого фронта искусств», № 1, март 1923 г., Москва, Изд. Госиздат, отв. редактор В. В. Маяковский) — явление в достаточной степени значительное, хотя бы потому, что вокруг него разыгрались оживленные споры. <...>

2

Чудесную поэму «Про это» написал В. Маяковский. На его могучем даровании та изнурительная работа в Роста, в газетах, в журналах и журнальчиках, та поистине гигантская ежедневная работа, которая некоторым искренно любящим поэта казалась жертвой революции и коммунизму, отразилась только благотворно. Такого овладения темой, такой мощи дыхания, такой меткости слова и выверенности образа мы не наблюдали и в прежних лучших видах Маяковского. Несомненно работа на широкое потребление, на пролетарскую аудиторию пошла Маяковскому впрок, ибо и сложнейшая фабула — живая демонстрация изумительного поэтического диапазона — организована и преподана читателю в формах поистине классических, для всякого непредубежденного читателя понятнейших и экономных. Ма-

яковский после «человека-вещь» вновь обращается к теме о любви. Мы не возьмемся пересказывать поэму: бесплодный и долгий труд развертывать здесь прозаическое суконцо. Никогда Маяковский не был так, исходя из узкой лирической темы, «общественен». Вся поэма — сплошной вопль против нэповского мещанства и против мещанства старого, еще не изжитого.

Раньше жили своими домками,
А теперь живете своим домкомом, —

говорит поэт.

Сплошным проклятьем домкам и «домкомам», оградившим живучую бытовую косность жизни, гремит поэма.

В прежнее время Маяковский ошеломлял читателя пространственной гиперболой. Его художественный глаз, презирая масштабы действительности, пересоздает видимый мир по образу и подобию современного города, где жилище человека вырастает выше гор и тонкое железо радиомачт чешет недосягаемые облака. Иногда в Маяковском побеждал живописец и тогда внутренние противоречия живописной (пространственной) и литературной (временной) форм проступали, объективируясь в читателе как пресыщение, как утомление этими гиперболами (см. «Пятый Интернационал»). В последней поэме Маяковский — нов. Он подает такие сгустки времени, так связывает душевные события, происшедшие на протяжении семи лет, а быть может и двух дней, как это возможно только в музыке. Его пейзаж, вся внешняя обстановка поэмы почти натуралистична, только стремительно летящее время движет тему поэмы, организуя материал в настоящий «авантюрный» роман. Кто бы мог с такой смелостью ввести обстановочку Нэп'а, с уанстепами и двадцатиградусными наливками в стихи о любви. Не так ли «святотатственно» вводил Пушкин в философско-политическую тему «Медного всадника» натуралистические подробности и современную ему злободневность, которые тщательно обходились эстетными Межковскими, блудословившими о Пушкине сто лет.

Революционирующий эффект последней поэмы Маяковского поистине громаден и едва ли может быть описан в краткой заметке. Только тот читатель, который, благодаря революции, опережая и критику и время, держит будущее в своем ежедневном обиходе, — только такой читатель поймет теперь все значение Маяковского.

